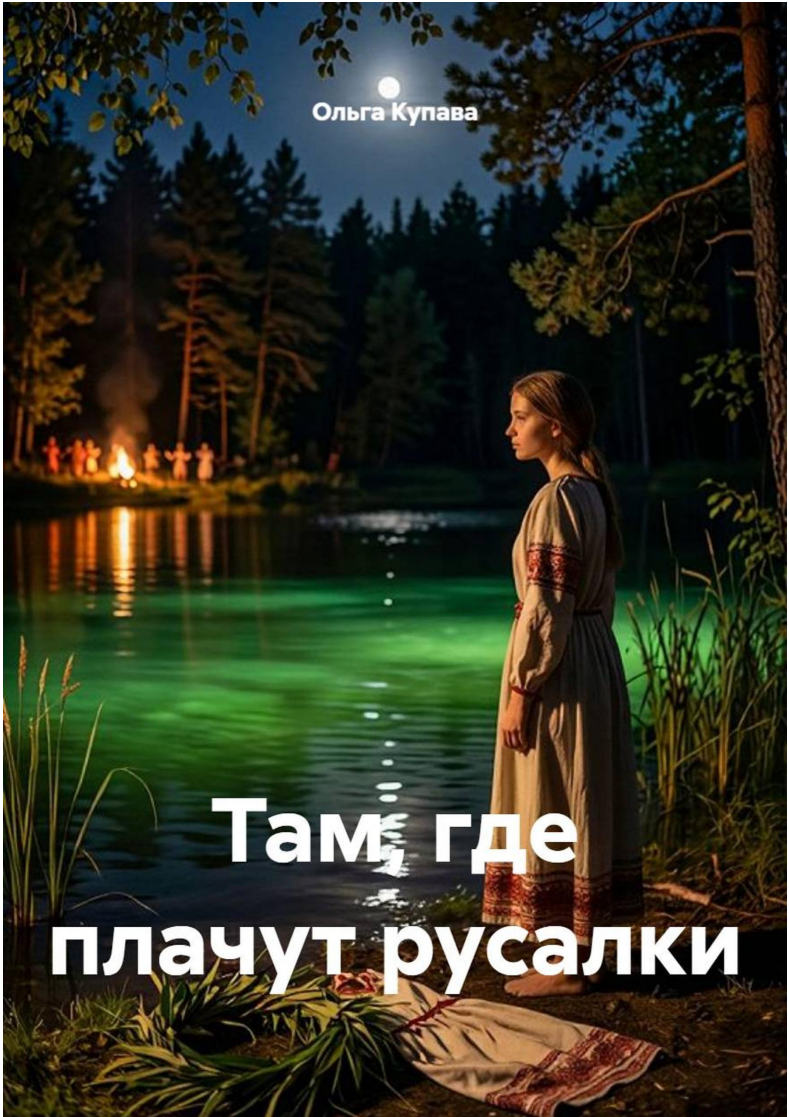

Ольга Купава
Там, где плачут русалки

Ольга Купава
Там, где плачут русалки

https://litres.ru/74728224
SelfPub; 2026

Аннотация

В Чернолесье знают: в ночь на Ивана Купалу нельзя подходить к Чёрному озеру. Каждое лето оно забирает одну девушку. На берегу остаются лишь венок из речных трав да одежда, а имя исчезнувшей вскоре стирается из памяти родных.

Когда пропадает младшая сестра Аксиньи, та решает нарушить запрет и найти её. Поиски приводят девушку к заброшенному дому у озера, где живёт Яромир — мужчина, который не стареет уже семьдесят лет. Когда-то он отдал русалкам свою невесту и с тех пор ждёт её возвращения.

Но Чёрное озеро хранит тайну страшнее старых легенд. Русалки не похищают девушек — они возвращают тех, кого живые предали забвению.

Чтобы спасти сестру, Аксинье придётся вспомнить забытые имена, раскрыть давний договор и узнать, какую цену деревня заплатила за своё благополучие. Но готова ли она встретиться с правдой, которая касается и её самой?

Содержание

Глава 1. Чёрное озеро 4
Глава 2. Девушка без тени 22
Глава 3. Ночь на Ивана Купалу 42
Глава 4. Дом у чёрной воды 66
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Там, где плачут русалки

Глава 1. Чёрное озеро

В Чернолесье никогда не говорили, что озеро спит.

Даже в самые тихие ночи, когда ветер замирал в кронах сосен, а над крышами деревенских изб поднимался прозрачный дым, Чёрное озеро продолжало жить своей жизнью. Оно вздыхало в камышах, шевелило тёмную воду и порой издавало такие звуки, будто кто-то глубоко под его поверхностью медленно проводил ногтями по старому дереву.

С детства Аксинья знала: если услышишь у воды женский голос, не оборачивайся.

Мать говорила это негромко, почти шёпотом, когда укладывала дочерей спать. Тогда Аксинья была ещё маленькой и не понимала, почему мать каждый раз крестила окна, выходящие на лес, и почему никогда не оставляла на ночь открытой дверь со стороны озера.

Теперь матери не было уже три года, а её слова остались.

И чем старше становилась Аксинья, тем меньше верила, что все эти запреты придуманы лишь для того, чтобы пугать детей.

В то утро она проснулась до рассвета.

За окном стояла сизая предрассветная мгла. Сосны на дальнем краю деревни казались огромными неподвижными

тенями, а над крышами медленно полз туман. В печи ещё теплились угли, и в доме пахло золой, сушёной мятой и вчерашним хлебом.

Аксинья накинула на плечи шерстяную кофту, пригладила растрепавшиеся волосы и подошла к окну.

Чёрное озеро было видно отсюда лишь узкой полосой между деревьями. Обычно по утрам оно казалось серебристым, отражая небо и первые лучи солнца. Но сегодня вода была тёмной, почти чёрной, словно кто-то вылил в неё чернила.

Аксинья прищурилась.

Над озером стелился туман. Не тот лёгкий утренний туман, который поднимается от воды после холодной ночи, а густой, неподвижный. Он лежал над поверхностью плотным покрывалом и не рассеивался даже там, где уже занималась заря.

Аксинья задержала взгляд на камышах.

Ей показалось, что между ними кто-то стоит.

Высокая женская фигура с длинными распущенными волосами.

Аксинья моргнула.

На берегу никого не было.

— Опять смотришь?

Она вздрогнула и обернулась.

В дверях стояла Зоряна. Младшая сестра была босой, в длинной ночной рубашке, с растрепанными светлыми воло-

сами. Она щурилась от полумрака и улыбалась так, словно застала Аксинью за чем-то забавным.

— Ты когда-нибудь научишься не подкрадываться? — спросила Аксинья.

— А ты когда-нибудь научишься не пугаться?

— Я не испугалась.

— Конечно. Просто чуть не уронила сердце.

Зоряна подошла к окну и встала рядом.

В отличие от старшей сестры, она никогда не боялась смотреть на озеро. Могла подолгу сидеть на крыльце, разглядывая дальний берег, слушать шум камышей и даже напевать песни, которые Аксинья не слышала ни от матери, ни от деревенских женщин.

Иногда ей казалось, что Зоряна знает о Чёрном озере больше, чем говорит.

— Сегодня оно странное, — тихо произнесла младшая.

— Оно всегда странное.

— Нет. Сегодня оно словно ждёт.

Аксинья отвернулась от окна.

— Не начинай.

— Что?

— Эти разговоры.

— Я всего лишь сказала, что озеро ждёт.

— Озёра ничего не ждут.

Зоряна посмотрела на неё с лёгкой улыбкой.

— Откуда ты знаешь?

Аксинья не ответила.

Она взяла с лавки платок, повязала его на голову и направилась к двери.

— Умойся и позавтракай. Я схожу на мельницу. Потом нужно будет принести воды и перебрать травы, которые сушатся на чердаке.

— А можно я пойду с тобой?

— Нет. Ты вчера обещала помочь Ефросинье.

— Она сказала, что я могу прийти после полудня.

— Значит, до полудня займёшься домом.

— Ты говоришь как старая хозяйка.

— А ты ведёшь себя как ребёнок.

Зоряна надула губы, но спорить не стала.

Аксинья уже взялась за дверную ручку, когда сестра окликнула её:

— Аксинья?

— Что ещё?

— Ты помнишь Милену?

Рука на ручке замерла.

— Какую Милену?

— Не знаю. Просто Милену.

— Зоряна, не выдумывай.

— Я не выдумываю. Мне кажется, ты должна её помнить.

Аксинья медленно обернулась.

— Я не знаю никакой Милены.

Зоряна пожала плечами и подошла к столу.

— Значит, не помнишь.

В её голосе не было ни насмешки, ни сожаления. Только странная уверенность, от которой у Аксиньи по спине пробежал холодок.

Она вышла из дома, не задав больше ни одного вопроса.

Чернолесье просыпалось неторопливо.

Деревня стояла на краю большого соснового бора, раскинувшись вдоль узкой речушки, которая брала начало где-то в лесных болотах и впадала в Чёрное озеро. Дома здесь строили из тёмного дерева, крыши крыли дранкой, а дворы обносили невысокими плетнями. За огородами начинались поля, за полями — лес, а за лесом лежало озеро, вокруг которого ходило больше историй, чем во всём остальном Чернолесье.

Аксинья шла по улице, здороваясь с соседями.

У колодца уже собрались женщины. Они обсуждали предстоящий праздник, перебирали травы и спорили, кто будет печь караваи. На крыльце староста проверял свежие доски, которые привезли для праздничного помоста.

Всё выглядело привычно.

И всё же Аксинья замечала, что люди сегодня говорят тише обычного.

— Доброе утро, дочь мельника, — позвала её тётка Марфа, сидевшая у колодца.

— Доброе, тётка.

— Рано ты.

— Дел много.

Марфа кивнула и посмотрела в сторону леса.

— Ночь была неспокойная.

— Ветер?

— Какой там ветер. Тихо было, будто весь мир затаился.

Одна из женщин рядом с ней быстро перекрестилась.

— Не поминай, — пробормотала она.

Марфа бросила на неё сердитый взгляд.

— Я ничего такого не сказала.

— И не надо.

Аксинья хотела спросить, о чём они говорят, но женщины уже заговорили о другом.

Она пошла дальше.

У старой кузницы её нагнал староста Савелий — грузный мужчина с седой бородой и тяжёлым взглядом.

— Аксинья, постой.

Она остановилась.

— Что случилось?

— Передай сестре, чтобы к вечеру была дома.

— Зоряне?

— А у тебя есть другая сестра?

— Она и так редко выходит из двора.

Савелий нахмурился.

— Вот пусть и дальше сидит. Скоро праздник. Не хватало ещё, чтобы девки по лесу шастали.

— Мы не дети, Савелий Петрович.

— Для озера все дети.

Он произнёс это так буднично, словно говорил о погоде.

Аксинья нахмурилась.

— Что вы имеете в виду?

Староста посмотрел на неё, затем отвёл глаза.

— Ничего. Просто передай, что я сказал.

— А почему именно сегодня?

— Потому что сегодня начинается неделя перед Ивановым днём.

Он понизил голос.

— После заката к воде не ходить. Ни тебе, ни сестре. И остальным девкам передай.

— Мы знаем запрет.

— Знать мало. Надо соблюдать.

Савелий пошёл дальше, оставив Аксинью с неприятным чувством, будто ей недоговорили что-то важное.

Она посмотрела вслед старосте.

Семь лет назад, когда исчезла первая девушка, которую Аксинья помнила, Савелий говорил почти то же самое. Тогда он тоже обходил дома и предупреждал женщин не отпускать дочерей к озеру.

А утром на берегу нашли платье.

Девушку звали Дарьей. Аксинья помнила её смутно: высокая, темноволосая, с веснушками на носу. Дарья иногда приносила им с матерью молоко и всегда угощала Зоряну яблоками.

Но через несколько дней после исчезновения её имя пе-

рестали произносить.

Когда Аксинья спросила мать, куда делась Дарья, та долго молчала, а потом ответила, что никакой Дарьи в Чернолесье не было.

Аксинья тогда решила, что мать просто не хочет говорить о страшном.

Теперь ей было двадцать пять, но она всё ещё помнила тот разговор.

И помнила, как мать плакала той ночью.

К полудню туман над озером рассеялся.

Аксинья вернулась домой с мешочком муки, солью и небольшим свёртком сушёной душицы. Зоряна сидела на крыльце и плела венок из полевых цветов.

— Ты уже закончила? — спросила Аксинья.

— Почти.

— Ефросинья ждёт тебя.

— Я знаю.

Аксинья поставила покупки у двери и присела рядом.

Венок получался красивым. Зоряна вплетала в него белые ромашки, синие васильки и длинные тонкие травинки. Только среди цветов Аксинья заметила несколько незнакомых растений с узкими тёмными листьями.

— Откуда это?

Зоряна посмотрела на венок.

— С берега.

— Ты ходила к озеру?

— Нет.

— Тогда откуда трава?

— Нашла.

— Где?

— В лесу.

Аксинья взяла одну веточку. Листья были холодными и влажными, хотя солнце уже давно поднялось высоко.

Она поднесла их к носу.

От растения пахло сырой землёй и стоячей водой.

— Выброси это.

— Почему?

— Не нравится мне.

— Тебе много чего не нравится.

— Зоряна.

Младшая сестра посмотрела на неё, и улыбка медленно исчезла с её лица.

— Хорошо, — сказала она. — Не буду вплетать.

Она осторожно вынула веточки и положила их на ступеньку.

Аксинья не успела ничего ответить: со стороны леса донёсся протяжный звук.

Будто кто-то позвал.

Обе сестры подняли головы.

— Ты слышала? — спросила Зоряна.

— Птица.

— Это не птица.

— Тогда ветер.

Зоряна покачала головой.

— Ветра нет.

Она поднялась и подошла к краю двора.

Аксинья поймала её за руку.

— Не смей.

— Я только послушаю.

— Я сказала, не смей.

Зоряна обернулась. В её глазах мелькнуло раздражение.

— Ты всё время запрещаешь мне что-то. Не ходи туда, не трогай это, не слушай, не спрашивай. А сама даже не знаешь, чего боишься.

Аксинья отпустила её руку.

— Я знаю достаточно.

— Нет. Ты просто не хочешь знать больше.

С этими словами Зоряна поднялась по ступеням и скрылась в доме.

Аксинья осталась одна.

На ступеньке лежали тёмные травинки. Она хотела выбросить их в печь, но почему-то не решилась. Собрала веточки, завернула в кусок ткани и убрала в сундук у стены.

Ей вдруг вспомнились слова матери: «Не бери с берега того, что само пришло к тебе».

К вечеру деревня наполнилась запахами выпечки и свежескошенной травы.

Женщины украшали дома берёзовыми ветками, дети бе-

гали по улицам, а мужчины ставили столы на площади. До Иванова дня оставалось несколько суток, и Чернолесье готовилось к празднику, хотя радость эта была какой-то натянутой.

Аксинья помогала соседке развешивать полотенца на верёвке, когда увидела матушку Ефросинью.

Старая знахарка шла медленно, опираясь на деревянную палку. Её седые волосы были заплетены в тугую косу, а поверх тёмного платья был накинут шерстяной платок.

— Аксинья, — позвала она.

— Добрый вечер, матушка.

— Зоряна дома?

— Дома. А что?

Ефросинья посмотрела на неё долгим взглядом.

— Мне нужно поговорить с вами обеими.

— О чём?

— Не здесь.

Аксинья выпрямилась.

— Что-то случилось?

Старая женщина помолчала.

— Ты сегодня видела озеро?

— Видела.

— И что заметила?

Аксинья удивилась вопросу.

— Туман.

— Только туман?

— А что ещё?

Ефросинья перевела взгляд на лес.

— Иногда лучше не замечать того, что смотрит в ответ.

Аксинья почувствовала, как внутри всё напряглось.

— Матушка, вы можете говорить прямо?

— Могу. Только не уверена, что тебе понравится услышанное.

Старуха положила ладонь ей на плечо.

— Береги сестру. И не позволяй ей оставаться одной у воды.

— Почему вы говорите так, будто что-то знаете?

Ефросинья убрала руку.

— Потому что знаю.

Она направилась дальше, не объяснив ничего.

Аксинья смотрела ей вслед, пока старая знахарка не скрылась за поворотом.

В груди поднималось дурное предчувствие.

Ночь опустилась на Чернолесье без ветра.

Аксинья долго не могла уснуть. Она лежала, прислушиваясь к звукам дома: к потрескиванию остывающей печи, к тихому скрипу половиц, к дыханию Зоряны за тонкой перегородкой.

Сестра заснула почти сразу после ужина. Перед сном она была непривычно молчалива и даже не стала спорить, когда Аксинья попросила запереть ставни.

Теперь в доме было темно.

Аксинья закрыла глаза.

И услышала плач.

Сначала ей показалось, что звук доносится из соседнего двора. Но потом она поняла: он идёт со стороны озера.

Тихий, протяжный женский плач.

Аксинья села на постели.

Звук повторился.

Она встала, накинула кофту и осторожно подошла к окну.

За стеклом чернела ночь. Лес казался сплошной стеной, а там, где между деревьями виднелась вода, лежала узкая полоса тумана.

Плач стал громче.

Аксинья прижалась лбом к холодному стеклу.

— Не надо, — прошептала она сама не зная кому.

Вдруг из-за перегородки послышался шорох.

— Ты тоже слышишь? — спросила Зоряна.

Аксинья обернулась.

Сестра стояла в дверях. На ней была светлая ночная рубашка, волосы свободно спадали на плечи.

— Ложись спать.

— Это она.

— Кто?

Зоряна посмотрела в окно.

— Женщина.

— Там никого нет.

— Она плачет.

— Это ветер.

— Ты же сама слышишь.

Аксинья не нашлась с ответом.

Плач действительно был. И теперь в нём можно было различить слова. Словно женщина пыталась что-то сказать, но голос её не мог пробиться сквозь воду и расстояние.

Зоряна шагнула к окну.

Аксинья схватила её за запястье.

— Не подходи.

— Она зовёт.

— Кого?

Зоряна повернула к ней лицо.

— Меня.

Аксинья почувствовала, как пальцы сестры стали холодными.

— Зоряна, посмотри на меня.

Но младшая смотрела не на неё.

Она смотрела в темноту за окном.

— Я слышу её уже давно, — произнесла девушка.

— Что?

— Она приходит по ночам. Иногда поёт. Иногда просто стоит у воды.

— Почему ты раньше не сказала?

Зоряна медленно моргнула.

— Я говорила. Ты не слушала.

Аксинья хотела ответить, но в этот момент плач оборвал-

ся.

Наступила тишина.

И в этой тишине из камышей донёсся другой звук.

Женский голос произнёс одно-единственное слово.

Имя.

— Аксинья…

Она отшатнулась от окна.

Зоряна взяла её за руку.

— Не бойся.

— Ты слышала?

— Да.

— Кто это?

Младшая сестра долго смотрела на тёмное стекло.

— Та, которую забыли.

Аксинья почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Зоряна, хватит.

— Но ведь это правда.

— Какая правда?

Девушка не ответила.

Она вдруг улыбнулась — не своей обычной открытой улыбкой, а какой-то тихой, печальной, словно узнала человека, которого давно ждала.

Потом повернулась и ушла в свою комнату.

Аксинья ещё долго стояла у окна.

Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем заметила движение на берегу.

Между камышами действительно кто-то стоял.

Женщина.

Длинные волосы закрывали лицо. Белая одежда сливалась с туманом. Она не двигалась, только медленно поворачивала голову, словно прислушивалась к чему-то на другом берегу.

Аксинья зажмурилась.

Когда открыла глаза, женщина исчезла.

Утром Аксинья вышла во двор ещё до того, как проснулась деревня.

Ночь оставила после себя сырой холод. Трава блестела от росы, а на крыше сарая сидела чёрная ворона.

Она подошла к крыльцу и остановилась.

На верхней ступеньке лежал венок.

Небольшой, аккуратно сплетённый из речных трав. В нём не было ни ромашек, ни васильков — только тёмные листья, тонкие стебли и несколько белых цветов, похожих на маленькие звёзды.

Аксинья узнала траву.

Ту самую, которую Зоряна вчера принесла с берега.

Она осторожно наклонилась.

Венок был мокрым. С него капала вода, хотя дождя ночью не было.

Аксинья коснулась одного из цветов.

Лепестки оказались ледяными.

И тогда она заметила на нижней ступеньке след.

Маленький отпечаток босой ноги.

Рядом был второй.

Оба следа вели от калитки к крыльцу.

Но ни одного не было в обратную сторону.

Аксинья медленно выпрямилась.

За её спиной открылась дверь.

— Красивый, правда? — спросила Зоряна.

Аксинья обернулась.

Сестра стояла на пороге, улыбаясь. На её светлых волосах ещё блестела влага, словно она только что вернулась с улицы.

— Это ты принесла?

Зоряна посмотрела на венок.

— Нет.

— Тогда кто?

Младшая пожала плечами.

— Может, та женщина.

— Какая женщина?

— Из озера.

Аксинья крепче сжала венок.

— Зоряна, ты сегодня никуда не пойдёшь одна. Поняла?

Сестра улыбнулась ещё шире.

— Не волнуйся, Аксинья. Она не за мной пришла.

— А за кем?

Зоряна подняла глаза.

И на мгновение Аксинье показалось, что взгляд младшей стал совсем чужим — глубоким, тёмным, словно вода в безлунную ночь.

— Она пришла напомнить, — тихо сказала Зоряна.

— О чём?

Но сестра уже отвернулась и вошла в дом.

Аксинья осталась на крыльце с мокрым венком в руках.

За деревьями, там, где начиналось Чёрное озеро, снова поднимался туман.

И на этот раз он двигался к деревне.

Глава 2. Девушка без тени

Венок Аксинья сожгла ещё до завтрака.

Она бросила его в печь, не позволив себе лишний раз рассмотреть странные белые цветы. Сухие ветки вспыхнули не сразу. Сначала от них потянуло сыростью, потом из печи поднялся тонкий серый дым, пахнущий тиной и холодной водой.

Аксинья стояла перед открытой заслонкой и смотрела, как огонь медленно пожирает переплетённые стебли.

Ей казалось, что венок сопротивляется.

Одна из веточек долго оставалась нетронутой, хотя пламя уже охватило всё вокруг. Тёмный лист свернулся, почернел по краям, но не рассыпался. Лишь когда Аксинья подбросила в печь сухую лучину, ветка наконец вспыхнула.

Она закрыла заслонку.

— Что ты делаешь?

Аксинья обернулась.

Зоряна стояла у стола, держа в руках глиняную кружку. Волосы её были распущены, а на плечи накинут старый материнский платок.

— Убираю мусор.

— Это был не мусор.

— А что же?

— Ты знаешь.

Аксинья устало вздохнула.

— Зоряна, сядь. Нам нужно поговорить.

Младшая сестра поставила кружку на стол и послушно села на лавку. В её лице не было ни страха, ни смущения. Только настороженность, будто она заранее знала, о чём пойдёт речь.

Аксинья села напротив.

— Откуда ты знаешь имя Милены?

Зоряна опустила глаза.

— Я уже говорила. Не помню.

— Нельзя помнить человека, которого никогда не знала.

— А почему нельзя?

— Потому что так не бывает.

— Разве?

Аксинья сжала пальцы.

— Я не хочу с тобой спорить. Просто ответь. Кто тебе рассказал о ней?

Зоряна покачала головой.

— Никто.

— Тогда почему ты произнесла её имя?

— Оно само пришло.

— Имена не приходят сами.

— Ты так говоришь, будто знаешь все правила мира.

В голосе младшей прозвучала неожиданная резкость.

Аксинья посмотрела на неё внимательнее.

— Что с тобой происходит?

Зоряна долго молчала. Потом подняла голову.

— Ты когда-нибудь слышала, как кто-то зовёт тебя издалека, а ты точно знаешь, что этот человек рядом, хотя его не видно?

— Нет.

— А я слышу.

— Когда?

— По ночам. Иногда днём, когда все заняты своими делами.

— И почему ты раньше молчала?

— Потому что думала, ты мне не поверишь.

Аксинья хотела сказать, что поверила бы, но не смогла. Слишком многое в рассказе сестры казалось невозможным.

Она вспомнила мать.

Последние месяцы перед смертью та тоже часто просыпалась среди ночи и прислушивалась к чему-то за окном. Однажды Аксинья застала её у двери, с рукой на засове.

— Не открывай, — сказала тогда мать.

— Кому?

— Никому. Даже если услышишь мой голос.

Тогда Аксинья решила, что болезнь измучила её.

Теперь это воспоминание казалось совсем другим.

— Зоряна, — произнесла она мягче. — Ты должна пообещать, что больше не будешь подходить к озеру.

Младшая посмотрела на неё.

— Я не ходила туда вчера.

— А позавчера?

— Нет.

— Ты уверена?

— Да.

Аксинья хотела продолжить расспросы, но заметила на запястье сестры тонкую красную полоску.

— Что это?

Зоряна посмотрела на собственную руку.

— Ничего.

— Покажи.

— Аксинья…

— Покажи.

Младшая протянула руку.

На коже, чуть выше ладони, виднелся след, похожий на отпечаток тонких пальцев. Словно кто-то схватил её и слишком сильно сжал.

— Откуда это?

— Зацепилась за ветку.

— За какую?

— Не помню.

Аксинья осторожно коснулась следа. Кожа была холодной.

Зоряна вздрогнула.

— Больно?

— Нет.

— Тогда почему ты отдёрнула руку?

— Потому что ты холодная.

Аксинья убрала ладонь.

— Не ходи сегодня к Ефросинье одна. Я пойду с тобой.

— Хорошо.

Зоряна снова взяла кружку и отпила остывший травяной настой.

Но Аксинья заметила, что младшая так и не прикоснулась к хлебу.

К полудню солнце поднялось высоко, но жара не было.

Над Чернолесьем стояло странное спокойствие. Даже птицы пели реже обычного, а собаки, обычно шумные и беспокойные, лежали в тени и не поднимали головы при появлении прохожих.

Аксинья шла рядом с сестрой по узкой тропе, ведущей к дому Ефросиньи.

Знахарка жила на окраине деревни, почти у самого леса. Её изба была старой, с низкой крышей и небольшими окнами. В палисаднике росли полынь, зверобой, тысячелистник и множество других трав, названия которых Аксинья знала с детства.

Над дверью висели связки сушёных растений. От них пахло горечью, дымом и чем-то сладким, похожим на мёд.

Ефросинья уже ждала их.

— Заходите, — сказала она, едва Аксинья постучала.

Внутри было прохладно. На столе стояла глиняная миска с водой, рядом лежали нож, пучки трав и несколько старых

листов бумаги.

Знахарка закрыла дверь и посмотрела на Зоряну.

— Подойди ко мне, дитя.

— Зачем?

— Хочу взглянуть на тебя.

Зоряна послушно приблизилась.

Ефросинья взяла её за подбородок, повернула лицо к свету, внимательно посмотрела в глаза. Затем провела ладонью над головой девушки, не касаясь волос.

Аксинья заметила, как дрогнули пальцы старухи.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Вы ведь не просто так нас позвали.

Ефросинья отпустила Зоряну.

— Присядьте обе.

Сёстры устроились на лавке.

Старая женщина долго молчала, словно подбирала слова.

— Скажите, — наконец произнесла она, — вы когда-нибудь слышали о девушке по имени Милена?

Аксинья и Зоряна переглянулись.

— Слышали, — ответила Аксинья. — Вернее, Зоряна знает это имя. А я не понимаю, откуда.

Ефросинья посмотрела на младшую.

— Ты слышала его у воды?

— Да.

— Кто произносил?

— Женщина.

— Ты видела её лицо?

Зоряна задумалась.

— Не совсем. Иногда она стоит в камышах. Иногда я вижу её в отражении.

— И что она говорит?

— Ничего особенного. Просто зовёт.

— По имени?

— Иногда.

— По чьему?

Зоряна посмотрела на сестру.

— По моему.

Ефросинья медленно перекрестилась.

Аксинья нахмурилась.

— Матушка, объясните наконец, что происходит.

Старуха подошла к окну и прикрыла ставню, хотя солнце ещё стояло высоко.

— Есть вещи, о которых в Чернолесье давно не говорят.

— Я уже поняла.

— Нет, дитя. Ты только начинаешь понимать.

Ефросинья вернулась к столу и вынула из ящика небольшой свёрток. Развернув ткань, она показала им тонкую серебряную заколку с потемневшим узором.

— Знаешь, кому она принадлежала? — спросила старуха.

Аксинья покачала головой.

Зоряна взяла заколку в руки.

— Милене?

Ефросинья резко подняла голову.

— Откуда ты…

— Не знаю. Просто знаю.

Аксинья посмотрела на сестру, потом на старуху.

— Вы говорили, что знаете эту девушку. Кто она?

Ефросинья забрала заколку и спрятала обратно.

— Когда-то она жила в Чернолесье. Давно.

— Насколько давно?

— Очень.

— И что с ней случилось?

Старуха не ответила сразу.

— Однажды она исчезла.

— Как остальные?

Ефросинья посмотрела на неё с неожиданной тревогой.

— Значит, ты всё-таки помнишь.

— Кого?

— Тех, кто исчезал.

Аксинья почувствовала, как холодеют ладони.

— Я помню Дарью. И ещё одну девушку, кажется, её звали Варвара. Но никто в деревне не хочет об этом говорить.

— Потому что некоторые воспоминания здесь опасны.

— Для кого?

— Для тех, кто их хранит.

Зоряна вдруг поднялась.

— Она не опасная.

Ефросинья посмотрела на неё.

— Кто?

— Женщина в озере.

Старуха закрыла глаза.

— Ты не знаешь, кто она.

— Знаю.

— Нет, дитя. Ты знаешь только её голос.

Зоряна сжала кулаки.

— Она плачет не потому, что хочет нас напугать.

— Я этого не говорила.

— Вы все думаете, что она чудовище. А она просто ждёт.

Ефросинья подошла к девушке и осторожно положила ладонь ей на плечо.

— Иногда ожидание страшнее смерти.

Зоряна стряхнула её руку.

— Вы тоже её слышите?

Старуха не ответила.

И этого молчания оказалось достаточно.

Когда сёстры вышли из дома, солнце уже клонилось к западу.

Аксинья остановилась у калитки.

— Что это было?

Зоряна поправила платок.

— Разговор.

— Не делай вид, что ничего не произошло. Ты знала имя Милены ещё до того, как Ефросинья показала заколку.

— Я же говорила: оно само пришло.

— А матушка знает больше, чем рассказывает.

— Конечно.

Аксинья посмотрела на сестру.

— Тебя это не тревожит?

— Нет.

— А меня тревожит.

— Ты всегда тревожишься.

Зоряна направилась по тропинке к деревне.

Аксинья догнала её.

— Подожди. Ты ведь понимаешь, что я хочу тебя защитить?

— Понимаю.

— Тогда почему не рассказываешь всё?

Зоряна остановилась.

Некоторое время она смотрела на дорогу, потом тихо сказала:

— Потому что ты всё равно не сможешь мне помочь.

Эти слова задели сильнее, чем Аксинья ожидала.

— Ты считаешь меня бесполезной?

— Нет. Я считаю, что ты не слышишь.

— Чего?

Зоряна подняла глаза.

— Озеро зовёт не всех одинаково.

Аксинья хотела спросить, что это значит, но младшая уже пошла дальше.

Они возвращались молча.

У поворота к дому Зоряна вдруг свернула на другую улицу.

— Куда ты?

— Мне нужно кое-что купить у Марфы.

— Я пойду с тобой.

— Не надо. Я скоро.

— Зоряна…

— Аксинья, пожалуйста.

В её голосе было столько усталости, что старшая сестра невольно остановилась.

— Хорошо. Но не задерживайся.

Зоряна кивнула и скрылась за соседскими дворами.

Аксинья ещё немного постояла на дороге, потом направилась домой.

На деревенской площади уже собирались люди.

Мужчины устанавливали длинные столы, женщины приносили корзины с выпечкой, дети украшали берёзовыми ветками ограду. Кто-то играл на свирели, кто-то пел, и постепенно обычная жизнь словно возвращалась в Чернолесье.

Аксинья не любила шумные праздники, но сегодня решила остаться на площади. Ей хотелось видеть Зоряну рядом, чтобы не дать ей снова исчезнуть из поля зрения.

Младшая появилась незадолго до заката.

В руках у неё была корзинка с цветами.

— Где ты была? — спросила Аксинья.

— У Марфы.

— Долго.

— Она долго выбирала ленты.

Зоряна показала корзинку.

Там лежали несколько мотков цветных нитей и связка полевых цветов.

Аксинья не стала расспрашивать.

Вскоре к ним подошла дочь старосты, Лада, с которой Зоряна дружила с детства.

— Пойдём к девкам, — позвала она. — Мы венки плетём.

— Иди, — сказала Аксинья.

— А ты?

— Мне нужно поговорить с Савелием.

Зоряна улыбнулась и ушла вместе с Ладой.

Аксинья направилась к столу старосты.

Савелий сидел на скамье и разговаривал с двумя мужчинами. Увидев её, он нахмурился.

— Что опять?

— Мне нужно спросить кое о чём.

— Потом.

— Нет, сейчас.

Мужчины переглянулись и отошли.

— Говори, — буркнул староста.

— Почему вы каждый год запрещаете девушкам подходить к озеру именно перед Ивановым днём?

Савелий посмотрел на неё тяжёлым взглядом.

— Потому что так заведено.

— Это не ответ.

— Другого не будет.

— Вы знаете, что происходит?

Он молчал.

— Семь лет назад исчезла Дарья. Потом Варвара. Потом ещё две девушки. Почему никто не ищет их?

Савелий резко поднялся.

— Хватит.

— Почему их имена вычёркивают из книг?

— Ты не понимаешь, о чём говоришь.

— Так объясните!

Староста схватил её за локоть и отвёл в сторону.

— Послушай меня внимательно. Твоя мать тоже любила задавать вопросы. И чем это закончилось?

Аксинья побледнела.

— Не смейте говорить о ней.

— Я говорю, потому что помню. Она пыталась остановить то, что нельзя остановить.

— Что именно?

Савелий отпустил её руку.

— Иди домой. И уведи сестру. Сегодня.

— Почему?

Он посмотрел поверх её плеча.

Аксинья обернулась.

На другой стороне площади стояла Зоряна.

Лада уже ушла к девушкам, а младшая сестра смотрела куда-то за деревья, туда, где начиналась дорога к озеру.

В руках она держала венок.

Тёмный, сплетённый из речных трав.

— Зоряна! — позвала Аксинья.

Девушка словно не услышала.

Она сделала шаг вперёд.

Потом ещё один.

Аксинья бросилась к ней и схватила за плечо.

— Ты что делаешь?

Зоряна вздрогнула, будто очнулась ото сна.

— Что?

— Куда ты идёшь?

— Никуда.

— Тогда зачем направилась к лесу?

Зоряна посмотрела на венок в своих руках.

— Он попросил меня принести.

— Кто?

— Неважно.

Аксинья выхватила венок и бросила его на землю.

— Хватит! Ты слышишь? Хватит!

Зоряна смотрела на неё с обидой.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни!

Младшая наклонилась, подняла венок и осторожно отряхнула от пыли.

— Ты зря его бросила.

— Я больше не хочу видеть эти травы в нашем доме.

— Они не виноваты.

— Зоряна!

Но сестра уже отошла.

Аксинья посмотрела на Савелия. Тот стоял неподвижно и следил за ними.

— Вы знаете, что это значит? — спросила она.

Староста медленно покачал головой.

— Не спрашивай меня об этом на площади.

Поздно вечером Аксинья вернулась домой одна.

Зоряна сказала, что хочет остаться с Ладой и помочь ей украсить двор. Аксинья не возражала, но перед уходом заставила сестру пообещать, что та не пойдёт к озеру.

Обещание прозвучало легко.

Слишком легко.

Аксинья затопила печь, поставила на стол миску с кашей и принялась разбирать травы. Работа успокаивала. Она отделяла листья от стеблей, раскладывала их по небольшим полотняным мешочкам и старалась не думать о словах Савелия.

«Твоя мать тоже любила задавать вопросы».

Почему староста упомянул мать?

Что она пыталась остановить?

И почему Ефросинья так испугалась, когда Зоряна назвала Милену?

Аксинья взяла пучок мяты и замерла.

Из комнаты сестры доносился тихий напев.

Зоряна вернулась?

Она поднялась и заглянула за перегородку.

Комната была пуста.

На кровати лежал аккуратно сложенный платок, а окно оказалось приоткрыто.

Аксинья подошла ближе.

На подоконнике лежала мокрая капля.

Потом ещё одна.

Она провела пальцем по дереву.

Вода была ледяной.

— Зоряна?

Ответа не последовало.

Аксинья выглянула во двор. Там никого не было.

Она уже собиралась закрыть окно, когда заметила отражение в стекле.

За её спиной стояла женщина.

Аксинья резко обернулась.

Комната была пуста.

Она снова посмотрела на окно.

Теперь отражалась только она сама.

И всё же на стекле, прямо на уровне её лица, медленно проступили слова.

«НЕ ЗОВИ ЕЁ ОБРАТНО».

Аксинья отшатнулась.

Буквы исчезли почти сразу, оставив после себя тонкие влажные полосы.

Она выбежала во двор.

Ночь была тёплой, тихой. Где-то далеко лаяла собака. На небе светила луна, и её отражение лежало на озере длинной серебряной дорожкой.

Аксинья посмотрела в сторону воды.

Между деревьями, у самой кромки берега, стояла девушка.

Светлое платье, длинные волосы, неподвижная фигура.

Она была слишком далеко, чтобы разглядеть лицо.

Но Аксинья знала: это не Зоряна.

Девушка медленно подняла руку.

Ветер донёс до дома тихий голос:

— Скоро…

Аксинья сделала шаг вперёд.

— Кто ты?

Фигура опустила руку.

И исчезла.

В ту же секунду со стороны озера раздался звонкий девичий смех.

Аксинья узнала его.

Так смеялась Зоряна, когда была маленькой и играла с ней у мельничного ручья.

Только теперь этот смех доносился из-под воды.

В ту ночь Аксинья не сомкнула глаз.

Она сидела у окна до самого рассвета, прислушиваясь к каждому шороху и время от времени проверяя, заперта ли дверь.

Зоряна вернулась незадолго до полуночи.

Аксинья услышала тихие шаги в сенях, затем скрип двери. Она вышла навстречу сестре.

— Где ты была?

Зоряна остановилась.

— У Лады.

— Почему не сказала, что задержишься?

— Я же обещала вернуться.

— Ты подходила к озеру?

— Нет.

Аксинья внимательно посмотрела на неё.

Волосы младшей были влажными, платье испачкано тёмной землёй, а босые ступни оставляли на половицах мокрые следы.

— Ты была у воды.

Зоряна опустила глаза.

— Я не заходила в неё.

— Это не одно и то же.

— Аксинья, пожалуйста. Я устала.

— От чего ты устала?

Младшая подняла голову.

И Аксинья вдруг заметила, что на лице сестры нет тени.

В доме горела свеча. За спиной Зоряны лежала тёмная по-

лоса от дверного косяка, на стене колыхалось пламя, а на полу виднелась тень самой Аксиньи.

Но под ногами Зоряны ничего не было.

Аксинья моргнула.

Тень появилась.

Обычная, небольшая, чуть смещённая в сторону.

Она почувствовала, как по телу разливается холод.

— Что? — спросила Зоряна.

— Ничего.

— Ты побледнела.

— Иди спать.

Зоряна прошла мимо неё и скрылась за перегородкой.

Аксинья осталась стоять в сенях.

Она не могла объяснить, что именно увидела. Может быть, пламя свечи на мгновение дрогнуло. Может быть, усталость заставила её вообразить невозможное.

Но когда она подошла к порогу, чтобы запереть дверь, то заметила на деревянной доске ещё один мокрый след.

Маленький отпечаток босой ноги.

Рядом лежала тонкая прядь светлых волос.

Аксинья подняла её и сжала в ладони.

Волосы были холодными, словно только что вынутыми из воды.

И тогда из комнаты сестры донёсся шёпот.

— Не бойся, Милена. Я скоро приду.

Аксинья застыла.

Она медленно повернула голову к перегородке.

— Зоряна?..

Ответа не было.

Только за окном, далеко у Чёрного озера, кто-то тихо запел.

И на этот раз Аксинья различила слова.

Песня была старой, незнакомой, но почему-то ей показалось, что она уже слышала её в детстве.

Там, где вода темна,Там, где камыши молчат,Не ищи меня, сестра,Не зови меня назад…

Аксинья стояла неподвижно, пока песня не стихла.

Потом подошла к двери и заперла её на тяжёлый засов.

Но всю оставшуюся ночь ей казалось, что кто-то ходит вокруг дома.

И каждый раз, когда шаги останавливались у окна, она слышала тихий женский шёпот:

— Ещё немного…

Глава 3. Ночь на Ивана Купалу

Утро Иванова дня началось с колокольного звона.

Звук разлился над Чернолесьем, прокатился по крышам, коснулся леса и затих где-то за дальними полями. Аксинья проснулась от него не сразу. Ей казалось, что она всё ещё слышит ночную песню, что слова её застряли между снами и явью и теперь повторяются где-то в глубине головы.

«Не ищи меня, сестра…»

Она открыла глаза.

В комнате было светло. Сквозь неплотно прикрытые ставни пробивались солнечные лучи, на стене дрожал золотистый прямоугольник света. За перегородкой тихо возилась Зоряна.

Аксинья села на кровати и прислушалась.

Сестра напевала.

Ту самую песню.

Аксинья быстро поднялась, накинула кофту и вышла из комнаты.

Зоряна стояла у стола и перебирала цветные ленты. На ней было светлое платье, которое мать когда-то сшила к её пятнадцатилетию. Волосы младшая заплела в свободную косу, украсив её маленькими белыми цветами.

Она выглядела почти так же, как всегда.

Почти.

— Доброе утро, — сказала Зоряна.

Аксинья остановилась в дверях.

— Ты сегодня рано.

— Праздник ведь.

— Не помню, чтобы ты так любила просыпаться до рассвета.

— Сегодня особенный день.

Зоряна улыбнулась и продолжила раскладывать ленты.

Аксинья подошла ближе.

— Как ты спала?

— Хорошо.

— Ничего не слышала ночью?

— Нет.

— Не видела никого?

— Нет, Аксинья.

Ответ прозвучал спокойно, но слишком быстро.

Аксинья взяла сестру за руку.

— Посмотри на меня.

Зоряна подняла глаза.

— Что?

— Сегодня ты никуда не пойдёшь одна. Поняла?

Улыбка на лице младшей исчезла.

— Опять?

— Да. Опять.

— Ты не можешь запереть меня дома.

— Могу, если придётся.

— Мне уже не десять лет.

— Тогда веди себя соответственно.

Зоряна высвободила руку.

— Я не сделала ничего плохого.

— Ты ходила к озеру.

— Я просто хотела поговорить.

Аксинья замерла.

— С кем?

Зоряна отвела взгляд.

— С женщиной.

— Какой женщиной?

— С той, которая ждёт.

— Чего она ждёт?

— Чтобы её вспомнили.

Аксинья почувствовала раздражение, за которым скрывался настоящий страх.

— Хватит говорить загадками. Если эта женщина действительно существует, если она тебе что-то говорит, мы должны рассказать Ефросинье.

— Она уже знает.

— Тогда Савелию.

— Он тоже знает.

— Откуда ты…

— Все знают, Аксинья. Просто делают вид, что не знают.

Младшая отвернулась к столу.

Аксинья долго смотрела на неё, пытаясь найти в привыч-

ном лице хоть что-нибудь, что могло бы объяснить происходящее.

— Ты сегодня останешься со мной, — сказала она наконец. — И никуда не уйдёшь.

Зоряна не ответила.

К полудню Чернолесье преобразилось.

На площади поставили длинные столы, укрытые белыми полотняными скатертями. На ветвях берёз развесили ленты, а у колодца поставили большие корзины с цветами. Девушки собирались небольшими группами и плели венки, вплетая в них ромашки, васильки и колокольчики.

Мальчишки носились по улице с деревянными свистульками. Мужчины приносили из леса хворост для вечернего костра.

Всё выглядело празднично.

Только никто не смеялся слишком громко.

Аксинья замечала, как матери то и дело пересчитывают дочерей, как девушки стараются не отходить от подруг, а старики поглядывают в сторону леса.

В Чернолесье умели праздновать, не забывая о страхе.

— Аксинья!

Она обернулась.

К ней спешила Лада, дочь старосты. На голове у девушки красовался венок из белых цветов, а на плечах лежал яркий платок.

— Ты почему не с нами? — спросила она. — Все уже со-

брались.

— У меня дела.

— В Иванов день?

— Дел всегда хватает.

Лада посмотрела на неё с любопытством.

— А где Зоряна?

— Дома.

— Она обещала прийти. Мы хотели вместе плести венки.

— Сегодня она останется дома.

Лада нахмурилась.

— Вы поссорились?

— Нет.

— Тогда почему?

Аксинья не стала отвечать.

Лада помолчала, потом наклонилась к ней и тихо сказала:

— Твоя сестра вчера спрашивала меня про Милену.

Аксинья почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Что именно?

— Спросила, помню ли я девушку с таким именем.

— И что ты ответила?

— Что не знаю никакой Милены.

— А она?

Лада пожала плечами.

— Сказала, что это странно. Будто мы все когда-то знали её, но забыли.

Аксинья внимательно посмотрела на подругу.

— Ты уверена, что раньше не слышала этого имени?

Лада задумалась.

— Теперь, когда ты спрашиваешь… Мне кажется, бабушка иногда его произносила. Но потом всегда говорила, что ошиблась.

— Где живёт твоя бабушка?

— На другом конце деревни. А что?

— Мне нужно с ней поговорить.

Лада вздохнула.

— Она никого не принимает. После прошлой зимы совсем ослабла.

— Всё равно попробую.

В этот момент за спиной раздался знакомый голос:

— Не стоит.

Аксинья обернулась.

Рядом стояла матушка Ефросинья.

Старая знахарка была одета в тёмное платье, на плечи накинула шерстяной платок. Несмотря на солнечный день, лицо её казалось бледным.

— Матушка, — произнесла Аксинья. — Я как раз собиралась вас искать.

— Знаю.

— Мне нужно поговорить с вами о Зоряне.

Ефросинья посмотрела на Ладу.

— Иди, дитя. Помоги женщинам с праздничным столом.

Девушка неохотно отошла.

Когда они остались вдвоём, знахарка взяла Аксинью под локоть.

— Сегодня не выпускай сестру из виду.

— Я и не собираюсь.

— Даже если она попросит.

— Матушка, что происходит?

Ефросинья посмотрела в сторону озера.

— Сегодня вода будет звать громче обычного.

— Почему?

— Потому что наступила ночь, когда старые обещания вспоминают о себе.

Аксинья нахмурилась.

— Какие обещания?

Старуха помолчала.

— Те, которые люди давали, когда им было нечего терять.

— Я не понимаю.

— И не должна пока понимать.

— Почему все вокруг говорят со мной так, будто я ребёнок?

Ефросинья остановилась.

— Потому что я видела, что случается с теми, кто слишком рано узнаёт правду.

Аксинья высвободила руку.

— Если вы знаете, что угрожает моей сестре, скажите прямо.

— Я знаю только одно: нельзя позволить ей назвать своё

имя у воды.

— Она уже называла его?

Ефросинья не ответила.

Но Аксинье хватило и этого.

К вечеру площадь наполнилась людьми.

Зажгли костёр, на столах появились пироги, мёд и кувшины с квасом. Кто-то играл на гуслях, кто-то пел старые песни. Девушки водили хороводы, а мальчишки пытались перепрыгивать через небольшие огненные языки у края костра.

Аксинья пришла вместе с Зоряной.

Она не хотела отпускать сестру из дома, но та неожиданно стала такой тихой и покладистой, что старшая решила не устраивать новой ссоры.

Зоряна надела светлое платье и вплела в косу ленту. На запястье у неё красовался тонкий браслет из речных трав.

Аксинья заметила его сразу.

— Что это?

— Браслет.

— Откуда?

— Сама сплела.

— Из каких трав?

— Обычных.

Аксинья попыталась снять украшение, но Зоряна отступила.

— Не надо.

— Он похож на тот венок.

— И что?

— Сними.

— Нет.

— Зоряна.

— Это моё.

Они стояли посреди площади, не замечая, что несколько человек уже смотрят в их сторону.

Аксинья понизила голос:

— Я прошу тебя. Не надевай ничего, что связано с озером.

Зоряна посмотрела на неё с такой грустью, что Аксинья невольно смягчилась.

— Ты боишься, — тихо сказала младшая.

— Конечно, боюсь.

— За меня?

— За тебя.

Зоряна коснулась её руки.

— Тогда не мешай мне.

Аксинья хотела ответить, но в этот момент заиграла музыка, и девушки потянули Зоряну в хоровод.

Младшая оглянулась.

— Я скоро вернусь!

Аксинья кивнула, хотя внутри всё сопротивлялось.

Она осталась стоять у костра и следила за сестрой.

Зоряна двигалась легко, почти невесомо. Её светлое платье мелькало среди ярких платков, а венок на голове казался белым пятном в огненном свете.

Постепенно Аксинья заметила странность.

Когда девушки кружились вокруг костра, их тени двигались вместе с ними. Только тень Зоряны запаздывала.

Сначала совсем немного.

Потом всё заметнее.

А затем на один короткий миг Аксинье показалось, что у сестры вообще нет тени.

Она протиснулась сквозь толпу.

— Зоряна!

Музыка оборвалась.

Девушки остановились и посмотрели на неё.

— Что случилось? — спросила Лада.

— Мне нужно поговорить с сестрой.

Аксинья взяла Зоряну за руку и отвела от костра.

— Ты видела? — спросила она.

— Что?

— Твою тень.

Зоряна молчала.

— Она исчезала.

— Тебе показалось.

— Не смей мне лгать.

Младшая отвела глаза.

— Иногда она остаётся там, где я была раньше.

Аксинья почувствовала, что земля словно уходит из-под ног.

— Что это значит?

— Не знаю.

— Зоряна, ты должна рассказать мне всё.

— Я уже говорила.

— Нет. Ты говоришь только то, что хочешь.

Младшая посмотрела на неё.

— А ты слышишь только то, что хочешь услышать.

Они долго смотрели друг на друга.

Потом Зоряна тихо произнесла:

— Я не хочу, чтобы ты боялась.

— Тогда перестань делать то, чего я боюсь.

Сестра опустила голову.

— Сегодня всё закончится.

— Что закончится?

Но Зоряна не ответила.

Когда на небе появились первые звёзды, праздник стал понемногу стихать.

Костёр ещё горел, но люди уже начали расходиться по домам. Женщины собирали посуду, дети засыпали на руках у матерей.

Аксинья стояла рядом с Зоряной у края площади.

— Пойдём домой, — сказала она.

— Немного позже.

— Нет. Сейчас.

— Я хочу посмотреть на костёр.

— Посмотришь завтра.

Зоряна вздохнула.

— Ты никогда не позволяешь мне сделать то, чего я хочу.

Аксинья повернулась к ней.

— Сегодня не тот день, когда нужно спорить.

— А когда тогда?

— Когда-нибудь потом.

— Ты всё время говоришь «потом».

Младшая отвернулась.

В этот момент к ним подошёл Савелий.

— Пора расходиться, — сказал он. — После полуночи никто не должен оставаться на улице.

— Почему? — спросила Аксинья.

Староста посмотрел на неё.

— Ты ещё спрашиваешь?

— Да. Спрашиваю.

— Потому что так было всегда.

— А если кто-то не послушается?

Савелий перевёл взгляд на Зоряну.

— Тогда за ним могут прийти.

Зоряна улыбнулась.

Совсем чуть-чуть.

Аксинья заметила это и резко повернулась к ней.

— Домой. Немедленно.

На этот раз сестра не возразила.

Они пошли по тёмной улице.

За спиной постепенно затихали голоса, а впереди темнел лес.

Дома Аксинья заперла дверь и закрыла ставни.

Зоряна молча сняла венок, положила его на стол и подошла к печи.

— Садись, — приказала старшая. — Я приготовлю чай.

— Не хочу.

— Всё равно выпьешь.

Аксинья достала из сундука сушёную мяту и мелиссу. Руки её дрожали, но она старалась этого не показывать.

Зоряна стояла у окна.

— Отойди оттуда, — сказала Аксинья.

— Почему?

— Просто отойди.

Младшая послушалась.

Аксинья поставила на стол две кружки и села напротив.

— Сегодня ты спишь со мной.

Зоряна подняла голову.

— Зачем?

— Затем, что я не хочу оставлять тебя одну.

— Ты не сможешь всю жизнь сидеть рядом со мной.

— Сегодня смогу.

Зоряна грустно улыбнулась.

— Ты всегда думаешь, что должна меня спасать.

— Потому что ты моя сестра.

— А если я не хочу, чтобы меня спасали?

Аксинья замолчала.

За окном послышался тихий стук.

Один раз.
Потом второй.
Обе сестры повернули головы.
— Не открывай, — прошептала Зоряна.
Аксинья поднялась и подошла к двери.
— Кто там?
Ответа не последовало.
Она посмотрела в щель между ставнями.
На крыльце никого не было.
Только у порога лежала маленькая веточка белого цветка.
Аксинья отступила.
— Не трогай, — сказала Зоряна.
— Я и не собиралась.
— Она пришла.
— Кто?
Младшая не ответила.
Она подошла к столу и взяла венок.
— Положи его, — приказала Аксинья.
— Нет.
— Зоряна, положи!
— Он принадлежит ей.
— Кому?
Сестра посмотрела на неё.
— Милене.
Аксинья схватила венок и бросила его в печь.
На этот раз он вспыхнул мгновенно.

В тот же миг за окном раздался женский крик.

Не плач.

Не песня.

Крик боли.

Зоряна закрыла уши.

— Зачем ты это сделала?

— Это просто трава!

— Ты обидела её!

— Её здесь нет!

Младшая заплакала.

Аксинья подошла к ней, обняла за плечи.

— Тише. Всё хорошо. Я не позволю никому тебя тронуть.

Зоряна прижалась к ней.

И впервые за много дней Аксинье показалось, что сестра снова стала прежней.

Но длилось это недолго.

Когда младшая подняла голову, на её ресницах блестели капли воды.

— Она сказала, что ты не понимаешь, — прошептала Зоряна.

— Кто?

— Милена.

Аксинья крепче обняла её.

— Спи. Завтра мы пойдём к Ефросинье и всё выясним.

Зоряна кивнула.

Но Аксинья знала, что сестра не верит в это «завтра».

Полночь наступила незаметно.

Сначала стихли голоса за окном. Потом перестали лаять собаки. В какой-то момент даже ветер, который весь вечер шевелил ставни, словно исчез.

Аксинья лежала рядом с Зоряной, не смыкая глаз.

Сестра спала.

По крайней мере, так казалось.

Аксинья осторожно повернулась на бок и посмотрела на неё. Лунный свет падал на лицо младшей, делая кожу почти прозрачной.

— Зоряна? — прошептала она.

Та не ответила.

Аксинья потянулась и коснулась её руки.

Холодная.

Слишком холодная.

Она резко села.

— Зоряна!

Младшая открыла глаза.

— Что?

— Ты замёрзла.

— Нет.

— Ты вся ледяная.

Зоряна улыбнулась.

— Мне не холодно.

И тогда Аксинья услышала голос.

Он звучал не за окном и не из-за стены.

Он звучал прямо под полом.

— Пора…

Аксинья вскочила с кровати.

— Кто здесь?

Зоряна села и посмотрела на дверь.

— Она пришла.

— Не подходи!

Но младшая уже поднялась.

Аксинья схватила её за руку.

— Нет!

Зоряна повернулась.

В её глазах блестели слёзы.

— Отпусти.

— Я не позволю тебе уйти.

— Я должна.

— Нет!

— Аксинья, пожалуйста.

Младшая осторожно разжала пальцы сестры.

И в тот миг свеча погасла.

В темноте послышался тихий шелест, будто по полу прошла вода. Затем скрипнула дверь.

Аксинья бросилась вперёд, но наткнулась на пустоту.

— Зоряна!

Она выбежала в сени.

Дверь дома была распахнута.

За порогом тянулись мокрые следы босых ног.

Аксинья выбежала на крыльцо.

— ЗОРЯНА!

Вдали, за деревьями, мелькнуло светлое платье.

Аксинья бросилась следом.

Лес ночью был другим.

Деревья казались выше, тропа — уже, а каждый шорох заставлял сердце сжиматься. Аксинья бежала, цепляясь платьем за ветки, спотыкаясь о корни и почти не чувствуя холода.

Впереди мелькала Зоряна.

— Стой!

Но младшая не останавливалась.

Когда Аксинья добралась до берега, над озером уже стоял туман.

Он был таким густым, что не видно было противоположной стороны. Вода казалась неподвижной, словно огромный кусок чёрного стекла.

Зоряна стояла у самой кромки.

Рядом с ней была женщина.

Аксинья не видела её лица, но узнала белое платье и длинные волосы.

— Отойди от неё! — крикнула она.

Зоряна повернулась.

— Аксинья…

— Иди сюда!

Младшая сделала шаг, но женщина рядом подняла руку.

Вода у берега дрогнула.

Из глубины донёсся многоголосый шёпот.

— Зоряна…

— Не слушай! — закричала Аксинья. — Смотри на меня!

Сестра смотрела.

На её лице было столько боли, что Аксинья на мгновение растерялась.

— Я не хочу уходить, — сказала Зоряна.

— Тогда возвращайся!

— Но они ждут.

— Пусть ждут!

— Они помнят меня.

Аксинья медленно пошла к ней.

— Я тоже помню. Я всегда буду помнить. Ты слышишь?

Зоряна протянула руку.

И Аксинья увидела, как по воде рядом с ней начинают проступать другие лица.

Женские лица.

Молодые и старые, красивые и измученные. Они смотрели на берег из глубины, словно стояли за тонким стеклом.

Одна из них открыла рот.

И произнесла:

— Назови нас.

Аксинья остановилась.

— Что?

— Назови нас…

Голосов становилось всё больше.

— Вспомни…

— Не забывай…

— Назови…

Женщина рядом с Зоряной наклонилась к ней и что-то прошептала.

Младшая закрыла глаза.

— Нет! — крикнула Аксинья.

Она бросилась вперёд.

Но вода поднялась навстречу ей.

Не волной — высокой прозрачной стеной. На мгновение Аксинья увидела внутри неё движение, словно тысячи рук тянулись из глубины.

Она упала на колени у самого края.

— Зоряна!

Сестра обернулась в последний раз.

На её лице больше не было страха.

Только слёзы.

— Не ищи меня, — произнесла она.

И шагнула в воду.

Озеро сомкнулось над её головой без единого всплеска.

Аксинья бросилась следом, но не успела коснуться поверхности, как вода стала неподвижной.

Она звала сестру.

Кричала.

Била ладонями по чёрной глади.

Но озеро молчало.

Только где-то далеко, под самой поверхностью, раздался женский смех.

К рассвету на берегу собрались люди.

Первым прибежал Савелий. За ним — несколько мужчин, затем женщины и старики. Ефросинья появилась позже остальных, тяжело опираясь на палку.

Аксинья сидела на земле у самой воды.

Её платье промокло до колен, волосы спутались, ладони были исцарапаны о камни.

Перед ней лежал венок.

Светлые цветы на нём ещё не увяли.

— Где она? — спросил Савелий.

Аксинья подняла голову.

— В воде.

Мужчина посмотрел на озеро.

— Ты видела, как она вошла?

— Да.

— Сама?

Аксинья вскочила.

— Вы что, не слышали меня? Я кричала! Она вошла туда не одна!

Савелий опустил глаза.

— Не надо.

— Что не надо?!

— Ты ничего не сможешь изменить.

Аксинья ударила его ладонью по груди.

— Тогда зачем вы вообще здесь стоите? Почему никто не идёт за ней?

Никто не ответил.

Ефросинья подошла к Аксинье и присела рядом.

— Дитя…

— Не трогайте меня.

— Послушай…

— Вы знали!

Старуха закрыла глаза.

— Да.

Аксинья отступила.

— Вы знали, что это случится?

— Я боялась, что случится.

— И ничего не сделали?

— Я пыталась.

— Как?

Ефросинья посмотрела на озеро.

— Слишком долго мы молчали.

Аксинья сжала кулаки.

— Тогда я не буду.

Она поднялась, посмотрела на собравшихся людей и произнесла:

— Я найду её. И если кто-то знает, что произошло, пусть лучше скажет сейчас.

Староста отвернулся.

Женщины опустили глаза.

Только Ефросинья смотрела прямо на неё.

— Ты не вернёшь Зоряну, пока не узнаешь, кому принадлежит её имя.

— Что это значит?

Но знахарка не ответила.

Вместо этого она наклонилась и подняла с земли венок.

— Посмотри.

Аксинья посмотрела.

Среди белых цветов теперь лежала тонкая серебряная заколка.

Та самая, которую Ефросинья показывала им накануне.

— Откуда она здесь?

Старуха побледнела.

— Милена…

В этот момент вода у берега дрогнула.

На поверхности возникло отражение.

Лицо Зоряны.

Девушка смотрела прямо на Аксинью. Её губы беззвучно шевелились, словно она пыталась что-то сказать.

Аксинья наклонилась ближе.

И вдруг услышала голос.

Не с берега.

Из самой воды.

— Не верь ему…

Отражение исчезло.

Аксинья выпрямилась.

— Кому?

Но озеро уже снова было неподвижным.

И только тогда она заметила, что на противоположном берегу, среди камышей, стоит мужчина.

Высокий, темноволосый, в длинном тёмном плаще.

Он смотрел прямо на неё.

Не отводя глаз.

А когда Аксинья сделала шаг вперёд, незнакомец медленно повернулся и скрылся между деревьями.

— Кто это? — спросила она.

Ефросинья посмотрела туда, где только что стоял мужчина.

Лицо старухи стало совсем бледным.

— Яромир, — прошептала она.

Аксинья перевела взгляд на озеро.

Впервые за все годы жизни в Чернолесье она почувствовала не только страх.

Она почувствовала ярость.

И поклялась, что найдёт сестру, даже если для этого придётся узнать всё, что деревня так старательно скрывала.

Глава 4. Дом у чёрной воды

К полудню Чернолесье успело забыть о празднике.

Ещё вчера на площади горели костры, девушки плели венки, а над крышами разносились песни. Сегодня ленты с берёз снимали молча, столы убирали, остатки угощения раздавали детям. Никто не произносил слова «исчезновение». Никто не спрашивал, где Зоряна.

Будто её никогда не было.

Аксинья стояла у окна и смотрела на улицу.

Мимо проходили люди. Одни торопливо отворачивались, заметив её, другие кивали с таким выражением лица, словно хотели выразить сочувствие, но боялись задержаться.

С утра она обошла почти половину деревни.

Сначала постучала в дом старосты. Савелий не открыл, хотя Аксинья слышала его шаги за дверью. Потом отправилась к тем, кто ночью был на берегу. Никто ничего не видел. Никто ничего не слышал. А один старик, прежде торговавший с её отцом мукой, сказал, что ей следует перестать расспрашивать людей и смириться.

Смириться.

Это слово теперь преследовало её повсюду.

Она посмотрела на пустую кровать Зоряны.

На подушке ещё оставалась вмятина. На спинке стула висело светлое платье, в котором сестра была на празднике. У

стены стояла корзинка с недоплетёнными лентами. На столе лежала раскрытая книга, между страницами которой застрял засохший цветок.

Аксинья взяла его.

Маленький белый цветок, почти прозрачный от сухости, легко рассыпался между пальцами.

Она вспомнила слова сестры: «Они помнят меня».

Кто они?

И почему Зоряна говорила так, словно деревня была для неё чужим местом?

Аксинья сжала остатки цветка в ладони.

Она больше не могла ждать.

Ефросинья знала больше, чем говорила. Савелий скрывал правду. А мужчина на противоположном берегу, которого старуха назвала Яромиром, мог объяснить хотя бы то, почему Зоряна произнесла его имя.

Аксинья накинула плащ, взяла нож и вышла из дома.

Ефросинья сидела на крыльце, перебирая сухие травы.

Увидев Аксинью, она подняла голову, но не удивилась.

— Ты собралась к нему, — сказала старуха.

— Да.

— Я так и думала.

— Вы знаете, где он живёт?

— Знаю.

— Тогда скажите.

Ефросинья отложила травы.

— Дом стоит за старой мельничной дорогой. Там, где тропа спускается к озеру. Его трудно не заметить.

— Он опасен?

— Каждый, кто живёт возле Чёрного озера, опасен по-своему.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Аксинья сдержала раздражение.

— Он был на берегу прошлой ночью. Он видел Зоряну?

— Возможно.

— И вы хотите, чтобы я просто оставила всё как есть?

— Нет.

Старуха поднялась с крыльца. Движения её были медленными, но взгляд оставался ясным.

— Послушай меня, Аксинья. Яромир не любит гостей. Особенно тех, кто приходит с вопросами о прошлом.

— Мне не нужно его расположение.

— Тебе может понадобиться его помощь.

— Тогда почему вы не пойдёте со мной?

Ефросинья отвела глаза.

— Потому что он не станет говорить со мной.

— Вы его знаете?

— Давно.

— Насколько давно?

Старуха посмотрела на неё так, словно в её вопросе было что-то болезненное.

— Достаточно, чтобы помнить, каким он был до того, как поселился у воды.

Аксинья хотела спросить ещё, но Ефросинья взяла её за руку.

— Не заходи в воду, что бы ты ни услышала. Не отвечай, если кто-то назовёт тебя из камышей. И, самое главное, не обещай озеру ничего.

— Я не собираюсь заключать с ним никаких договоров.

— Никто не собирается, пока не произнесёт первое слово.

Старуха отпустила её руку.

— И ещё одно. Если Яромир скажет, что Зоряна мертва, не верь ему.

Аксинья замерла.

— Вы думаете, она жива?

— Я знаю только то, что озеро не всегда забирает тех, кто в него входит.

— Тогда куда оно их уводит?

Ефросинья долго молчала.

— Туда, где их ещё помнят.

Мельничная дорога давно заросла травой.

Когда-то по ней возили зерно из соседних деревень, но после смерти отца Аксиньи мельницу закрыли. Новую построили ближе к поселению, а старая дорога постепенно стала частью леса.

Аксинья шла быстро, стараясь не думать о том, что может найти впереди.

Солнце уже клонилось к западу. В лесу пахло нагретой корой, сырой землёй и прелыми листьями. Птицы перекликались в кронах, но чем ближе она подходила к озеру, тем реже становились их голоса.

Вскоре тропа повернула вниз.

Между деревьями показалась крыша.

Дом стоял почти у самой воды, на небольшом возвышении, окружённый старыми елями и зарослями шиповника. Он был деревянным, двухэтажным, с потемневшими от времени брёвнами. Крыша просела с одного края, ставни висели неровно, а крыльцо покосилось.

И всё же дом не выглядел заброшенным.

У стены лежали аккуратно сложенные поленья. Возле двери стояли два ведра. На подоконнике виднелась глиняная кружка.

Аксинья остановилась у калитки.

В окне второго этажа мелькнула тень.

Она толкнула калитку.

Та открылась без скрипа.

— Эй! — крикнула Аксинья. — Есть кто-нибудь?

Ответа не последовало.

Она поднялась на крыльцо и постучала.

Три раза.

За дверью послышались шаги.

— Уходите, — произнёс мужской голос.

Аксинья узнала его не сразу. Голос был низким, немного

хриплым, но именно его она слышала в тот день на берегу — или, по крайней мере, ей так показалось.

— Мне нужен Яромир.

За дверью стало тихо.

— Зачем?

— Поговорить.

— Нам не о чем говорить.

— Это я решу сама.

Дверь открылась.

На пороге стоял мужчина.

Он был высоким, широкоплечим, с тёмными волосами, падавшими на лоб. Лицо казалось молодым — лет тридцати, не больше, — но в его глазах была усталость, которой не бывает у людей в таком возрасте.

Он был одет просто: тёмная рубаха, застёгнутая у горла, и серые штаны. На запястье виднелся старый шрам.

Мужчина посмотрел на Аксинью, затем на её руки, сжатые в кулаки.

— Ты дочь мельника, — сказал он.

— Аксинья.

— Я знаю.

Она насторожилась.

— Откуда?

— В Чернолесье немного семей, чьи имена ещё произносят вслух.

— Вы были вчера на берегу?

— Да.

— Вы видели мою сестру?

Яромир не ответил сразу.

Он отступил на шаг, словно собирался закрыть дверь.

Аксинья поставила ладонь на косяк.

— Не смейте.

Мужчина посмотрел на её руку.

— Убери.

— Сначала ответьте.

— Ты пришла сюда не за ответом. Ты пришла обвинять.

— А разве не вас мне следует обвинять?

Его лицо не изменилось.

— Возможно.

Это спокойное признание разозлило её сильнее, чем любое отрицание.

— Вы знаете, что случилось с Зоряной?

— Да.

— Где она?

— Жива.

Аксинья почувствовала, как подкашиваются ноги.

Она ухватилась за дверной косяк.

— Повторите.

— Твоя сестра жива.

— Тогда почему она не вернулась?

Яромир отвёл взгляд в сторону озера.

— Потому что пока не может.

— Кто её удерживает?

— Не всё, что держит человека, имеет руки.

Аксинья шагнула ближе.

— Хватит говорить загадками! Если вы знаете, где она, отведите меня к ней.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты не знаешь, о чём просишь.

— Это моя сестра.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаете.

Яромир посмотрел на неё.

Впервые в его глазах что-то изменилось. Не жалость, не раздражение. Скорее воспоминание о боли, которую он слишком долго носил в себе.

— Я понимаю больше, чем тебе хотелось бы, — сказал он.

Он всё-таки впустил её.

В доме пахло древесной золой, сушёными травами и холодной водой. В большой комнате стоял тяжёлый стол, возле стены — печь, а напротив неё — узкая кровать. На полках лежали книги, деревянные коробочки и несколько старых стеклянных бутылок.

У окна висела связка полыни.

Аксинья заметила, что все окна были плотно закрыты, хотя день стоял тёплый.

— Вы всегда живёте здесь один? — спросила она.

— Да.
— Деревенские говорят, вы здесь уже много лет.
— Деревенские много говорят.
— А вы мало.
— Это помогает.
Он поставил на стол глиняную кружку.
— Сядь.
— Я не останусь надолго.
— Тогда можешь постоять.
Аксинья осталась стоять.
Яромир сел напротив, сцепив пальцы.
— Что ты хочешь знать?
— Всё.
— Это слишком много.
— Начните с того, почему моя сестра ушла в озеро.
— Её позвали.
— Кто?
— Те, кто живёт там.
— Русалки?
Он едва заметно поморщился.
— Так их называют.
— А как называете вы?
— Никак.
— Почему?
— Потому что у них есть имена. Но не все из них хотят, чтобы живые их произносили.

Аксинья вспомнила женские лица под водой.

— Я видела их.

— Нет.

— Я видела лица. Они смотрели на меня.

— Ты видела отражения.

— Они говорили.

Яромир поднял голову.

— Что именно?

— Просили назвать их.

Мужчина побледнел.

— И ты не назвала?

— Нет.

Он выдохнул, словно только сейчас позволил себе дышать.

— Хорошо.

— Почему это так важно?

— Потому что иногда имя — не просто имя.

Аксинья вспомнила, как Зоряна произнесла своё имя у воды. Или, может быть, не произнесла? В тот миг всё происходило так быстро, что она не могла быть уверена.

— Что случается, если назвать имя?

Яромир долго смотрел на неё.

— Вода слышит.

— И?

— И отвечает.

— Вы сами это делали?

Он не ответил.
Аксинья поняла, что попала в больное место.
— Вы знали Зоряну раньше?
— Нет.
— Но она знала вас?
Яромир опустил взгляд.
— Возможно.
— Она говорила о вас.
— Что именно?
— Что вы попросили её принести венок.
Мужчина резко поднялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.